

ЧИТАЯ КНИГИ

Н. Б. СЕЛУНСКАЯ

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ (размышления над новой книгой Рольфа Тоштендаля)

В статье исследуется феномен профессионализма историка в мировом и национальных исторических сообществах. В центре внимания – книга известного шведского ученого Рольфа Тоштендаля «Профессионализм историка и историческое знание»; рефлексии по поводу смысла авторского понятия профессионализма и комментарии в связи с изучением российской исторической традиции составляют основное содержание статьи. Анализ профессионализма историка включает проблемы формирования и развития предметной области истории и профессионального сообщества, наблюдения и оценки современных тенденций фрагментации истории и появления множества исторических сообществ, взаимоотношения истории и политики, а также изменения, которые происходили в области теории, методологии и эпистемологии истории в долговременной хронологической ретроспективе.

Ключевые слова: историческое знание, профессионализм, историческое сообщество, профессиональные нормы, специализация и фрагментация, объяснение.

Процесс формирования исторического знания вообще и знания о национальной, российской истории существенным образом связан с воздействием теоретико-методологического пространства, в котором сегодня существует историческое сообщество, с определяющими тенденциями его развития. Среди них, на наш взгляд, особого внимания заслуживают такие тенденции как глобализация и историзация. Первая является следствием стремительно развивающейся системы коммуникацией, с формированием единого информационного пространства, которое не может не влиять на развитие национальных историографий, определяя на локальном уровне своеобразие проявления в них общих сдвигов, характерных для всего мирового исторического сообщества. Вторая тенденция связана с постмодернистским влиянием на историческую науку, «вызовом» традиции научной истории как «модернистскому наследию». Характерно, однако, что в ситуации отсутствия общих теоретических оснований имеет место и выраженное стремление историков договориться. Поиск так называемого общего консенсуального прошлого историческим сообществом осуществляется либо на пути

сближения истории со сферой культуры, литературы, лингвистики, либо на пути развития истории как «нормальной» науки. В методологической литературе уделяется особое внимание осмыслению изменений в предметном поле истории, путей получения и оценки нового исторического знания современным историческим сообществом¹. Отмеченные моменты определяют особый интерес к новым фундаментальным исследованиям в области исторической эпистемологии.

В 2014 г. вышла в Москве монография Рольфа Тоштендаля, известного шведского ученого, специалиста в области теории истории, «Профессионализм историка и историческое знание»². Книга эта, несомненно, является крупным историографическим явлением, прежде всего, по масштабу поставленной проблемы и в плане содержательной значимости, актуальности и пространственно-временного измерения. Так, проблема формирования истории как научной дисциплины и отрасли знания, а также профессионального исторического сообщества решается автором на общеевропейском материале «традиции историописания» с «древности до наших дней». Масштабность исследования проявляется и в диапазоне и характере поставленных проблем. Среди них следует назвать проблемы «роста» и взросления истории, роль и функции профессионального исторического сообщества, в том числе, и на современном этапе, когда очевидцами и участниками исследуемых процессов являемся мы, читатели книги и члены сообщества. Заметим, что книга обречена иметь широкую читательскую аудиторию уже по тому, как формулирует автор свое видение значения истории для человека и человечества. В своеобразном эпиграфе, вынесенным на обложку книги, он пишет: «человечество не движется в сторону будущего... к ясным целям. Вместо этого оно пятится в будущее, глядя в прошлое...», и «в таком неловком продвижении прошлое используется для ориентирования в том, что находится у нас за спиной, где лучи знания, можно надеяться, освещают все большее и большее пространство под нашими спотыкающимися ногами, ищущими твердой опоры».

Прочтение книги может иметь разные ракурсы. Для меня в фокусе внимания находятся несколько сюжетов, о которых хотелось бы порассуждать. Одним из них является возможность компаративного анализа традиций историописания и формирования профессионального сообщества в общеевропейском контексте, где свое место должна занимать и

¹ Подробнее см.: Селунская. 2004.

² Тоштендаль 2014 (а).

российская историографическая традиция. Причем особое внимание при анализе феномена профессионализма и формирования исторического знания привлекают такие его составляющие как источниковедческие и методологические аспекты исторического исследования.

Раскрытие смыслов понятия профессионализма является для автора центральным сюжетом исследования. Р. Тоштендаль считает необходимым разделять два значения понятия профессионализма. «Первый подразумевает, что профессиональный историк – тот кому платят за написание истории. Согласно второму профессиональный историк – тот, кого допустили в свою компанию другие историки (сообщество историков). Профессионализм во втором смысле – главный предмет этой книги» (с. 10-11). Анализируя функции и роль профессионализма, автор оценивает его как «центростремительную силу», заставляющую ученых придерживаться «определенного набора общих норм», которые прежде всего относятся к предмету изучения истории (в то время как «минимальные требования» интерпретируются автором как методы и способы исторических исследований). Противоположную профессионализму функцию имеет «фрагментация» истории, представляющая «центробежную силу» путем создания новых специальных областей, часто игнорирующих или изменяющих приоритеты в «общих нормах» истории. Профессионализм «укрепляет взаимопонимание внутри профессиональной группы и противостоит центробежным силам, стремящимся разрушить единство историков как группы». Однако «фрагментация» не является «негативным термином». Ее действие проявляется в том, что «предшествующая единая группа исследователей заменяется несколькими объединениями». Наконец, преимущества «фрагментации» на современном этапе автор видит в том, что она предоставляет основания для идентичности историка. Это весьма важное и справедливое соображение, о котором я размышляла в своей работе «Историческая память и профессиональная идентичность историка»³. Заметим, что фрагментация приводит не только к разделению предметного поля истории, но и исторического сообщества по методологии и стилистике исторического исследования, принятой в определенных его группах и школах. Угроза потери историком профессиональной идентичности вызывает озабоченность в историческом сообществе и стимулирует дискуссии вокруг этой проблемы. Формирование новых областей в предметном поле истории и дифференциация приоритетных способов

³ Селунская 2014.

получения исторического знания, признанных группами расколотого сообщества, приводят к тому, что идентичности формируются и осознаются внутри научных школ, направлений или специализированных областей истории. К этому следует добавить «генерационную», поколенную принадлежность историка. Об этом типе идентичности интересно рассуждает в своей книге Л.А. Сидорова⁴. Работая на основе историко-культурного подхода, она выделяет генерационные особенности не только стилистики исторических сочинений (методологии и источниковой базы получения знаний в избранном проблемном или предметном поле), но и специфику межличностных коммуникаций, научных контактов, коопераций, дискуссий, семинаров.

Особый интерес представляют оценки и наблюдения, относящиеся к роли истории как «материнской дисциплины» в формировании знаний человечества о прошлом, с которого и начинается монография Р. Тоштендаля. Подчеркивая, что «идея, стоявшая за пониманием истории как типа исследований, объединяющего группу дисциплин, никогда не проговаривалась, но была связана с представлениями о том, что существует общий для всех исследований прошлого способ размышлений», автор считает, что в XIX–XX вв. основной тенденцией была «фрагментация истории», когда «идея об общем интеллектуальном наследии всех исследований человеческого прошлого рассыпалась», а предмет истории весьма сузился, так как многие бывшие ее субдисциплины «формально освободились» (с. 5-7, 25).

В то же время, касаясь институциональных аспектов формирования исторического сообщества, Р. Тоштендаль обращается к опыту проведения с начала XX века международных конгрессов историков, которые на ранних стадиях оформления своего профессионального сообщества стремились собрать представителей всех дисциплин «при посредстве их исторического аспекта». В этой связи, представляется чрезвычайно интересным российский опыт процесса профессионализации истории и в плане взаимоотношений «материнской» и «дочерних» дисциплин, в том числе – оценки «фрагментации» истории как побочного продукта, и в плане организационных форм институционализации научного сообщества. Пунктирно можно отметить некоторые национальные особенности, вписывающиеся в общеевропейский контекст, но и вносящие интересные коррективы. Так, например, функции «материнской» дисциплины история делила на первых порах с археологией,

⁴ Сидорова 2008.

названной «помощницей истории». Неслучайно, дискуссии шли о водоразделе в предмете этих дисциплин. Кроме того, по факту, именно в недрах археологии (науке о древностях) во многом формировалась и сама история, представленная такими ее областями как региональная история, краеведение, а также вспомогательными дисциплинами – исторической географией, геральдикой, нумизматикой. Позже они объединились в источниковедение, которое стало со временем главной специальной исторической дисциплиной, в которой, по замечанию известного российского историка и методолога Л.П. Карсавина, «легче и лучше всего улавливается сущность исторического» и «где нет соблазна отдаться на волю легкомысленных и шаблонных схем»⁵. Характерно, что появление самого термина «источниковедение» в значении «обозрение источников» историки относят к началу XIX в. Однако, только в конце XIX – начале XX в. формируется источниковедение как область исторического знания, как практика сбора и издания документов, а также как часть теории исторического познания в форме учения об источнике как средстве реконструкции прошлого⁶.

Иная судьба постигла археологию, давшую жизнь источниковедению и другим специальным историческим дисциплинам. Со временем она утратила статус «прародительницы», превратившись во вспомогательную историческую дисциплину с четко очерченными границами предметной области. Однако именно Археологические съезды, проводившиеся в 1864(1869)–1914 гг. были тем институтом, который представлял начальные формы организации научно-исторического сообщества⁷. Характерно, что на них были представлены отделения и секции, изучающие разные типы и виды источников и такие области как архивоведение и археография, этнография и др., т.е. именно источниковедение сыграло особую роль в становлении истории как науки и в формировании профессионального исторического сообщества в нашей стране.

Начало оформления предмета истории в отечественной традиции относится к XVIII столетию. Характерно, что в научном сообществе часто употребляли два термина – *история* и *древности*. В.Н. Татищев толковал термин «история» «как слово греческое, то самое, значит, что у нас деи, или деяния». Под древностями понимались остатки прошлого. Таким образом, уже в XVIII в. осознавалась необходимость разных

⁵ Карсавин 1923. С. 288.

⁶ Историческая наука в Московском университете... С. 190.

⁷ Петрова 2013.

терминов для обозначения *истории* как итогов деятельности историков и той основы, которая служила фундаментом исторического труда и называлась сначала «древности», будучи по смыслу прообразом источниковедения⁸. О тесном взаимодействии этих двух аспектов процесса профессионализации истории свидетельствует уже само название и назначение открывшегося в 1804 г. при Московском университете Общества истории и древностей. Вообще интересно обратить внимание на особенности институционализации истории на примере Московского университета. Первоначально в указе об организации университета предписывалось открыть на философском факультете кафедру истории для преподавания универсальной (всеобщей) и российской истории, древностей и геральдики. Однако были большие проблемы с чтением курсов русской истории, истории древностей и русской геральдики, так как многие из приглашенных профессоров из немецких университетов не владели русским языком и не знали русской истории. Для развития отечественной исторической науки требовалась хорошая источниковая база, а потому одним из главных направлений становилось источниковедение, представленное пока еще отдельными специальными дисциплинами, прежде всего, археографией. В этом заключались особенности становления и оформления предметной области истории в России, а также процесса формирования предпосылок зарождения профессионального исторического сообщества.

В дискуссиях об определении профессионализма «как стадии развития истории» или же «как результата договора внутри исторического сообщества», Р. Тоштендаль поддерживает вторую интерпретацию, развивая ее своим авторским видением самого процесса профессионализации истории. Отвергая идею «единого процесса», он особое внимание уделяет проблеме критериев оценки характера и этапов его развития. Здесь на первый план выступают понятия «оптимальных норм» и «минимальных требований», которыми оперирует автор на всех этапах своего дискурса, постоянно корректируя, дополняя раскрытие смыслов этих ключевых понятий. «Одни фокусируют внимание на том, с чем должна иметь дело история, – на акторах и предметах исследования. Другие сконцентрированы, например, на методах. Две категории критериев будут именоваться здесь оптимальными нормами и минимальными требованиями соответственно» (с. 30-31). Именно эти критерии положены автором в основу понимания профес-

⁸ Историческая наука в Московском университете... С. 190.

сионализма в функции «оценки исторического исследования», именно сдвигами в этой системе ценностей автор объясняет то, что «профессионализм менялся не один, а несколько раз» (с. 31).

Таким образом, рассматривая феномен профессионализма в динамике, Р. Тоштендаль выделяет этапы его развития, которые тесно связаны с периодизацией самой исторической науки. При этом раскрытие смысла понятия профессионализма «по факту» включает оценку «методов и методологии» как его значимой составляющей, которая в первой трети XIX в. связывалась, прежде всего, с источниковедением. Это был период, когда «возникла мода на исторические исследования, основанные на источниковедческих изысканиях», а во второй половине XIX – начале XX века началось обсуждение методологии истории» (с. 46) – методы и методология стали центральной идеей, которую поддерживали и национальные и интернациональные сообщества историков (с. 53). Это второй этап развития профессионализма, который по своему содержанию был связан и определялся установками школы Ранке.

Как уже отмечалось, для отечественной историографической традиции с самого начала ее зарождения источниковедение играло особую роль. Эта особенность характерна и для «второго этапа» развития профессионализма и, следовательно, исторической науки. Так, к концу XIX – началу XX в. в отечественной историографии возрос интерес к теоретико-методологическим проблемам исторического познания. Яркими представителями названного подхода считаются, например, такие историки, как специалист по всеобщей истории выпускник Московского университета Н.И. Кареев и профессор Петербургского университета А.С. Лаппо-Данилевский. В их исследованиях определены контуры предмета теории и методологии исторического познания⁹.

Впервые в отечественной исторической науке и университетской практике известный российский историк, специалист по отечественной истории В.О. Ключевский начал чтение курса по методологии исторической науки, которое было продолжено В.М. Хвостовым, И.И. Ивановым, А.М. Щербиной. Заметим, что Ключевского отличал особый интерес к источниковедческим проблемам исторического исследования, на что обращали внимание такие корифеи отечественной историографии и источниковедения как Л.В. Черепнин и Н.Л. Рубинштейн. Они характеризовали труды В.О. Ключевского, прежде всего его магистерскую диссертацию «Древнерусские жития святых как исторический источник»,

⁹ Кареев 1883, 1913; Лаппо-Данилевский 1910-1913.

как необыкновенное «методическое достижение» и «настоящий источниковедческий шедевр». Он же в 1880–1890-е гг. в Московском университете читал курс по проблемам источниковедения¹⁰.

Развитие профессионализма в середине XX века Рольф Тоштендаль характеризует целым рядом отличительных черт, среди которых на первый план выходят «оптимальные нормы», поворот к использованию «теорий социальных наук» и результатам, полученным на основе этих теорий (с. 71). Отмечая тенденцию «американизации» социальных наук в Европе, автор усматривает проявление влияния американской социальной теории на европейскую, в том числе скандинавскую историографию, в формировании направления количественной истории. В этой связи нельзя не дополнить отмеченную тенденцию опытом формирования и развития отечественной традиции квантификации. Подобный сравнительно-исторический анализ представляется значимым в контексте анализа основ профессионального исторического знания, предпринятого Тоштендалем, так как именно период 1950–80-х гг. он рассматривает как «время двойных стандартов» в историческом сообществе и даже озаглавливает специальный раздел «От одного к нескольким сообществам». Наметившийся раскол между научно-историческим и антропологическим подходами был, несомненно, связан с мировым и национальным опытом развития квантификации как альтернативы традиционной стилистики исторического нарратива.

Национальная школа научной истории в нашей стране, в частности, представленная направлением количественной истории, развивалась на основе марксистской методологии, а ее лидером был известный российский историк и методолог академик И.Д. Ковальченко. Объединительная функция методологии структурного анализа и квантификации определила возможность диалога между учеными, несмотря на различие философских оснований, которое не препятствовало развитию совместных советско-американских проектов, прежде всего в области аграрной истории переходных эпох от «несвободного» к «свободному» труду в России и США. В условиях «лингвистического поворота», когда широкое распространение получило рассмотрение языка как предельного онтологического основания мышления и деятельности историка, такой подход к основаниям получения исторического знания заслуживает внимания и дальнейшей разработки как в теоретико-методологическом,

¹⁰ См.: Историческая наука в Московском университете... С. 251, 209. К сожалению, материалы курса Ключевского плохо сохранились: Ключевский 1959.

так и конкретно-историческом плане. Нельзя не отметить, что в этом аспекте на этапе развития исторической науки в начале XXI в. особую актуальность приобретают и проблемы подходов историка к историческому источнику, а также методов анализа исторических данных, методов исторического исследования, в целом.

Влияние постмодернизма на историографический процесс актуализировало проблему нарратива, написания истории, как альтернативы историческому исследованию. Истоки этих тенденций восходят к историографической стилистике «традиционной историографии». В этой связи представляется важной классификация методов исторического исследования на описательные и количественные, имеющие различные основания и несопоставимые познавательные возможности: в первом случае – ограниченность описания усугубляется игрой воображения историка при соприкосновении с фактами и наполнением их смыслами в ходе создания текста, во втором – измерение как основание модели исследования предполагает разработку научных приемов формирования эмпирической базы данных, а также научно-исторических количественных методов их анализа с целью получения количественной меры качественной сути изучаемых явлений и процессов.

В целом, весьма убедительным представляется вывод Р. Тоштендаля о том, что «профессионализм историков не имеет больше опоры в едином сообществе» (с. 77). По мнению автора, формально дисциплина по-прежнему существует, но расхождения между учеными велики. В этой связи особенно ценной представляется понимание и оценка шведским ученым теоретико-методологических оснований отдельных национальных научных школ.

Так как книга Р. Тоштендаля вышла в России, то особый интерес и глубокую признательность вызывает внимание автора к личности ведущего ученого-методолога, представлявшего на мировой арене отечественную историографическую традицию, академику И.Д. Ковальченко. Тоштендаль сотрудничал с Ковальченко в международных исследовательских проектах, при подготовке которых ученые вели интересные методологические дискуссии, в том числе о путях и способах достижения исторического знания, а также о его границах и возможностях развития. В своих рассуждениях о методах исторического исследования Иван Дмитриевич подчеркивал значение историко-сравнительного метода, особенно востребованного при коллективном сотворчестве историков разных стран, научных школ и направлений. Именно в контексте компаративистской методологии успешно реализовывались возглавля-

емые им проекты по аграрной истории России и США, истории индустриализации в России и Швеции и др.¹¹ В связи с этим представляется важным утверждение Р. Тоштендаля о значимости компаративистской методологии для развития такого типа исторического знания как теоретическое знание. Он подчеркивает, что эта методология ведет к «генерализации, выявлению общих факторов, определяющих типы исторического развития», а «компаративная история представляет интерес не только по своим результатам, но и по тем перспективам, которые она открывает в области теории и научной эпистемологии. И.Д. Ковальченко понимал это» (с. 282). Согласно оценке Тоштендаля, «Ковальченко был модернистом» и «верил в возможность использования знания для преобразования мира» (с. 281). Диалог двух ученых, объединяющий их интерес к профессионализму историка, связанному с путями и методами исторического познания, продолжен и в докладе Р. Тоштендаля по проблеме исторического объяснения, подготовленном им для Научных чтений памяти академика И.Д. Ковальченко¹².

На современном этапе развития исторической науки с новой силой возобновляются споры вокруг исторического объяснения. Противники постмодернизма озабочены изменениями в центральной сфере «научной истории» – социальной истории, отмечая, что «общество как обобщающая категория растворяется» и создается угроза тому, что «социальное объяснение» как таковое может потерять всю свою независимую значимость¹³. Таким образом, для мирового исторического сообщества сегодня характерен поиск адекватной основы для объяснения прошлого (при всех различиях его трактовок), который особым образом актуализировался, в частности, в связи с тем, что вера в единственную, научную объяснительную модель подорвана девальвацией авторитетных теорий.

Диверсификация предметной области истории, наметившаяся уже в послевоенный период, бурно прогрессирует и естественно сопровождается развитием методологического плюрализма, что позволяет историкам делать пессимистические прогнозы о невозможности исторического синтеза, в частности, в социальной и политической истории. В то же время наряду с отмеченной тенденцией дифференциации в области предмета истории и методологии исторических исследований, переносом фокуса исторических исследований с макро- на микроуровень

¹¹ Подробнее см. Селунская 2014.

¹² Тоштендаль 2014 (б). С. 48-60.

¹³ Iggers 1988. P. 225.

(например, в исследованиях жанра case-study), или ординарному бытописанию («история повседневности»), следует обратить внимание на тенденцию, называемую исследователями “исторический” поворот, или поворот социальных наук к истории¹⁴.

Результат «исторического поворота» – «возрождение» нарративной истории, фокусирующей внимание на событиях, культуре и индивиде. Хотя оговаривается, что в историографии предполагается уделять внимание объяснению причинных закономерностей, сторонники «нарративной истории» отводят более значимую роль в объяснении моделям и способам поведения, воздействию прошлого, понимаемого как культура, и истории, трактуемой как «этнографическая сущность». То есть объяснению подлежит «действующее лицо, понимаемое как социальная и культурная конструкция в системе региональных отношений власти и конфликта и способное на действие внутри исторического контекста», а также некое «событийное прошлое», где социальные отношения определяются *path dependency* (“зависимостью пути”), временными неоднородными причинами и глобальными изменениями. Этот поворот меняет процедуру и структуру исторического объяснения: он связан с культурной теорией и отрицанием социальных рамок истории, рассмотрением социального лишь как «момента» в истории. Новая концепция культуры расценивается как наиболее важный вклад в современную социальную теорию и ассоциируется с именем К. Гиртца, с семиотическим определением культуры, означающим «путь опыта» (не собственный опыт), с особым вниманием к символам, с переходом на микроуровень, от структуры – к событию, от объяснения – к интерпретации.

Логика развития современной российской историографии «вписывается» в общие закономерности развития исторической науки, связанные с кардинальной сменой парадигм, моделей объяснения исторического процесса в целом, истории стран, отдельных исторических этапов, явлений. Эта общая закономерность, бесспорно, имеет свою специфику для каждой национальной историографии, в том числе и для отечественной исторической науки, которая, в силу кардинального изменения условий (в т.ч. социально-политических) развития обостренно переживает период «поиска» новых методологий и объяснительных моделей.

В книге Р. Тоштендаля есть специальная глава «Профессионализм и использование истории в политике», посвященная сложному взаимодействию истории и политики, анализу конфликтов между историче-

¹⁴ The Historic Turn in the Human Sciences. 1996.

ским профессионализмом и политикой. Автор пишет: «Политики хотят, чтобы историки проводили исследование определенных тем, иногда они даже требуют определенных результатов. Историки же хотят быть свободными в выборе проблем, тем и методов исследования. Обе стороны идеализируют свое положение» (с. 213).

Раскрытые в книге проблемы современного исторического знания, профессионализма и развития исторического сообщества, несомненно, значимы для ориентации российских историков, как в исследовательской, так и в образовательной практике. Эта книга будет востребована в связи с актуальностью повестки, предложенной автором, и с глубиной ее проработки, с предложенными автором неординарными решениями кардинальных теоретико-методологических проблем.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Историческая наука в Московском университете 1755-2005. М., 2004.
Кареев Н.И. Основные вопросы философии истории. М., 1883. Т. 1-2.
Кареев Н.И. Теория исторического знания. СПб., 1913.
Карсавин Л.П. Философия истории Берлин, 1923.
Ключевский В.О. Курс лекций по источниковедению // Соч. М., 1959, Т. 6: Специальные курсы. С. 5-87, 474-481.
Лапто-Данилевский А.С. Методология истории. СПб., 1910–1913. Вып. 1-2.
Петрова О.С. Археологические съезды в России. Опыт изучения научно-исторического сообщества (вторая половина XIX – начало XX в.). LAP, Lambert Academic Publishing, 2013.
Селунская Н.Б. Методологическое знание и профессионализм историка // Новая и Новейшая история. 2004. № 4. С. 24-41.
Селунская Н.Б. Историческая память и профессиональная идентичность историк // Проблемы историографии, источниковедения и методов исторического исследования. Материалы V Научных чтений памяти академика И.Д. Ковальченко / Под ред. С.П. Карпова. М.: Изд-во Московского ун-та 2014. С. 29-40.
Сидорова Л.А. Советская историческая наука середины XX века: синтез трех поколений. М., 2008.
Тоштендаль, Рольф. Профессионализм историка и историческое знание М.: Новый хронограф, 2014. 345 с.
Тоштендаль, Рольф. Методика «лучшего объяснения» в историческом исследовании // Проблемы историографии, источниковедения и методов исторического исследования Материалы V научных чтений памяти академика И.Д. Ковальченко / Под ред. С.П. Карпова. М.: Изд-во Московского ун-та 2014. С. 48-60.
The Historic Turn in the Human Sciences / Ed. by T.J. McDonald. Michigan, 1996.
Iggers G. New Directions in European Historiography. Wesleyan. Univ. Press, 1988.

REFERENCES

- Istoricheskaya nauka v Moskovskom universitete 1755–2005. M., 2004.
 Kareev N.I. Osnovnye voprosy filosofii istorii. M., 1883. T. 1-2.
 Kareev N.I. Teoriya istoricheskogo znaniya. SPb., 1913.

- Karsavin L.P. *Filosofiya istorii Berlin*, 1923.
- Klyuchevskii V.O. *Kurs lektsii po istochnikovedeniyu* // Soch. M., 1959, T. 6: Spetsial'nye kursy. S. 5-87, 474-481.
- Lappo-Danilevskii A.S. *Metodologiya istorii*. SPb., 1910–1913. Vyp. 1-2.
- Petrova O.S. *Arkheologicheskie s'ezdy v Rossii. Opyt izucheniya nauchno-istoricheskogo soobshchestva (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.)*. LAP, Lambert Academic Publishing, 2013.
- Selunskaya N.B. *Metodologicheskoe znanie i professionalizm istorika* // *Novaya i Noveishaya istoriya*. 2004. № 4. S. 24-41.
- Selunskaya N.B. *Istoricheskaya pamyat' i professional'naya identichnost' istorik* // *Problemy istoriografii, istochnikovedeniya i metodov istoricheskogo issledovaniya. Materialy V Nauchnykh chtenii pamyati akademika I.D. Koval'chenko* / Pod red. S.P. Karpova. M.: Izd-vo Moskovskogo un-ta 2014. S. 29-40.
- Sidorova L.A. *Sovetskaya istoricheskaya nauka serediny KhKh veka: sintez trekh pokolenii*. M., 2008.
- Torstendal', Rolf. *Professionalizm istorika i istoricheskoe znanie*. M.: *Novyi khronograf*, 2014. 345 s.
- Torstendal', Rolf. *Metodika «luchshego ob'yasneniya» v istoricheskom issledovanii* // *Problemy istoriografii, istochnikovedeniya i metodov istoricheskogo issledovaniya Materialy V nauchnykh chtenii pamyati akademika I.D. Koval'chenko* / Pod red. S.P. Karpova. M.: Izd-vo Moskovskogo un-ta 2014. C. 48-60.
- The Historic Turn in the Human Sciences* / Ed. by T.J. McDonald. Michigan, 1996.
- Iggers G. *New Directions in European Historiography*. Wesleyan. Univ. Press, 1988.

Селунская Наталья Борисовна, доктор исторических наук, профессор Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова; selounsk@yandex.ru

**Professional historical knowledge:
foundations and intentions of development
(reflections upon a new monograph by Rolf Torstendahl)**

The article explores the phenomenon of historical profession in the global and national academic communities. The study is focused on the monograph 'Historical professionalism and historical knowledge' by a well-known Swedish scholar Rolf Torstendahl. Reflections upon his concept of professionalism and comments related to the studies of the Russian historical tradition constitute the main contents of the article. The analysis of historical professionalism includes the problems of emergence and development of the field of history and of professional community, observations and evaluations of contemporary trends in fragmentation of history and the growth of numerous communities of historians, relationship between history and politics, as well as changes in theory, methodology and epistemology of history in the long-term perspective.

Keywords: *historical knowledge, professionalism, historical community, professional norms, specialization and fragmentation, explanation.*

Natalia Selunskaya, Dr. Sc. in History, Professor of the Moscow State University; selounsk@yandex.ru